

Часть VIII. РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ В ЭПОХУ «НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЙ»

Р. Б. Казаков (РГГУ, Москва)

Национальная история как часть европейской/всемирной: «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина

Н. М. Карамзин подошел к созданию текста своей «Истории», уже заявив о месте русской литературы среди литератур европейских и продемонстрировав на страницах «Вестника Европы» интерес к событиям «не-европейским», что отмечали исследователи: Америка, Азия, Япония, острова Тихого океана и пр. Еще в 1792 г. в майском номере «Московского журнала» Карамзин опубликовал перевод фрагментов «Шакунталы» Калидасы. Сравнивая его с Гомером, Карамзин подчеркивал: «Калидас для меня столь же велик, как и Гомер». Литературный (а позже политический и исторический) процесс интересует Карамзина именно во всемирном масштабе, а Россия занимает в этом процессе едва ли не одно из центральных мест: для конца XVIII в. это было смелое и очень обязывающее заявление. Карамзин и далее развивал это убеждение, иногда прямо формулируя его.

Для Карамзина как автора «Истории государства Российского» естественны представления о том, что в России и в других европейских государствах протекают политические процессы одного порядка. Карамзин («этатист по убеждению», по словам Ю. Г. Алексеева) отмечал общеевропейское значение процессов создания централизованных государств в XV в., поставив в один ряд с Россией Англию, Францию, Испанию, Португалию и почти все другие сколько-нибудь обширные европейские государства, в характеристике которых он выделил черты, отличавшие Российское государство в период его складывания при Иване III. Карамзин задал тем самым набор черт, присущих могущественной европейской державе, каковой была, в его рассмотрении, Россия. Он нарисовал картину собирания власти и становления единого государства, следствием чего стало «то, что Россия, как Держава независимая, величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри, и не боясь врагов внешних» (Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1998. Т. VI. С. 210).

Эти идеи Карамзина были глубоко выношены и сформированы еще задолго до начала работы над «Историей». В цельном виде они представлены уже в 1811 г. в записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Сходство мыслей здесь очевидно: «Во глубине Севера, возвысив голову свою между Азиатскими и Европейскими Царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира...» (О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Лит. учеба. 1988. № 4. С. 99).

В «Истории» европейский и мировой контекст задавался через широкое использование исторических сочинений европейских авторов. Заложенная исторической наукой XVIII в. традиция изучать Русскую Правду, сравнивая ее нормы с нормами западноевропейских «варварских правд», в труде Карамзина получила свое новое развитие в смысле богатства и разнообразия привлеченных источников. Он опирался и на некоторые документальные памятники европейского происхождения. В его руках были копии документов из Кенигсбергского архива. Карамзин хорошо понимал ценность этих документов, выступив вместе с О. П. Козодавлевым инициатором их копирования, что и было сделано на казенные средства в 1808–1816 гг. (Комментированный список источников и литературы, использованных Н. М. Карамзиным в «Примечаниях». Раздел I // Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI. С. 357-358. № 32). Рассказывая о судьбе ливонских пленников, взятых Иваном Грозным в 1565 г., он привел две выдержки из кенигсбергских бумаг с интересными подробностями о том, что Иван IV считал своих предков немцами (там же. СПб., 1843. Кн. III. Т. IX. С. 52; Примеч. С. 34-35. № 166).

Уже приходилось писать о том, что публикация документа полностью, в отрывке или в переложении побуждала Карамзина к проведению источниковедческого исследования этого памятника. Разумеется, Карамзин никак не формулировал цели и задачи такого исследования, его этапы, однако в его штудиях в неотрефлексированном виде присутствуют практически все необходимые элементы комплексного исследования источника. Один из многих примеров представляет публикация договора Новгорода с немцами и Готским берегом XIII в. Карамзин сообщил об имеющейся публикации этого договора, отметил ее небрежность и привел перевод текста по более исправной копии. Он описывал обстоятельства происхождения договора и существующие его копии, историю их бытования и приемов публикации, обозначил и сложившиеся традиции изучения этого источника. Карамзин предложил комментарии отдельных положений договора, определил его место в кругу аналогичных источников и его значение для истории. Публикуя договор, Карамзин давал оригинальные латинские эквиваленты к переводу и сообщал некоторые лингвистические наблюдения.

Приходится констатировать, что убеждения о принадлежности российской истории более широкому европейскому контексту, формировании Российского государства, сплавившего в себе черты европейские и азиатские, сформировались в детские и юношеские годы историка и далее на протяжении всей жизни уже не менялись, а лишь обогащались новым житейским и исследовательским опытом. «История государства Российского» как раз представляет собой наиболее фундаментальный и источниковедчески оснащенный опыт изложения российской истории как части мировой.

И. Е. Забелин и его тверские земляки

Иван Егорович Забелин – создатель Исторического музея, единственный в своем роде знаток и историк русской бытовой древности – всю жизнь прожил в Москве и почти четверть века пребывал «официальным историографом» древней столицы. Однако родился он в Твери в сентябре 1820 г., о чем в фонде Тверской духовной консистории имеется запись в метрической книге. Отец Ивана Егоровича служил в Тверской казенной палате, откуда в декабре месяце 1820 г. он перешел в Московское губернское правление, к несчастью, вскоре он умер, оставив вдову и сына без всяких средств к существованию.

Как известно, детство и юность Ивана Забелина прошли в нужде, образование он получил лишь в Екатерининском сиротском доме. «Одиночество с самого малолетства было моей судьбой», – вспоминал он позднее. Но можно полагать, что в старости Забелин приобрел друзей и учеников именно в среде тверичей.

Один из них – Август Казимирович Жизневский (1819–1896) – ровесник И. Е. Забелина – «из обер-офицерских детей», римско-католического вероисповедания, родился в Полоцке Витебской губернии. Первоначальное образование он получил в Витебской гимназии, затем учился в Московском университете на 2-м (т.е. негуманитарном) отделении философского факультета. Окончив университет, он с 1843 г. и до конца дней находился на государственной службе. А. К. Жизневский служил по министерству юстиции, занимал должность губернского прокурора в Казани, Самаре. В Тверскую губернию впервые был назначен в 1851 г., а с 1863 г. жил в Твери постоянно, исполняя обязанности управляющего Казенной палатой, дослужившись до чина тайного советника. С 1872 г. Жизневский занимался Тверским музеем, превратив его в хранилище археологических древностей и собрание рукописей и книг. В 1873 г. Жизневский был избран действительным членом МАО. Участвуя в деятельности общества, он хорошо представлял период формирования Российского Исторического музея и обсуждал с графом А. С. Уваровым проект его экспозиции. Возможно, Уваров рассказывал Жизневскому о И. Е. Забелине.

В опубликованных записных книжках Забелина имя Жизневского впервые упомянуто в декабре 1887 г., но известные нам письма от него датированы еще летом 1885 г. В 1884 г. в числе первых в Твери была открыта Ученая архивная комиссия, ее председателем избрали Жизневского, вскоре членом ТУАК стал и Забелин.

Основываясь на сохранившейся в архивах Твери (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. № 607) переписке, можно увидеть, что контакты двух руководителей музеев были активными и плодотворными. Жизневский, занимаясь целенаправленно и педантично «разысканием и собиранием памят-

ников местной старины», стремился привлечь внимание к Тверскому музею со стороны историков, коллекционеров, архивистов. Особое внимание комиссия обращала на выходцев из Тверской земли. Так, в 15-м заседании ТУАК в присутствии М. И. Семевского, издателя «Русской старины», обсуждался вопрос «о собирании в музей портретов, автографов и трудов уроженцев тверского края, прославившихся в области наук, мануфактур, художеств и искусств, равно выдающихся деятелей государственных, духовных, военных, земских и гражданских, но непременно уроженцев Тверской губернии». Следует сказать, что подобное отношение к землякам развивали и другие губернские комиссии. В начале 1892 г. в «Тверских губернских ведомостях» была опубликована статья о научной деятельности И. Е. Забелина. Она была связана с юбилеем И. Е. Забелина – 50-летием его научно-литературной деятельности.

Готовясь к этому юбилею, Жизневский собрал данные для биографии юбиляра. В приветственном адресе ТвГУАК подчеркивалось: «Вы дороги нам не только как маститый ученый, обогативший своими превосходными трудами отечественную историю и археологию, но как сочлен наш, и как Тверской уроженец, украшение и гордость своей родины». Юбиляру вместе с приветствием поднесли фотографию Никольской, что на Зверинце, церкви, где 19 сентября 1820 г. он был крещен. Историк был растроган до слез и осенью 1893 г. приехал в Тверь «от рождения в первый раз» для знакомства с Музеем, хотя прежде эта поездка откладывалась.

Восприятие увиденного и услышанного в Твери Забелин передал в письме: «Еще не могу прийти в себя и собраться с мыслями от восторженных впечатлений, какие я испытал в Вашем сердечно-гостеприимном доме, в Вашем Музее, исполненном такого богатства разнообразных и дорогих для науки памятников старины, и именно Тверской, о котором я не мог и вообразить. Я предполагал встретить очень-очень многое, хорошо зная Ваши неутомимые ежеминутные кропотливые заботы о Вашем любимейшем Детище, но все мои предположения оказались слишком недостаточными перед тем, что я увидел налицо».

Отныне отношения Тверского музея с Историческим музеем стали более прочными и устойчивыми. Так, М. Н. Сперанский (1863–1938), выпускник Тверской гимназии, составил «Описания рукописей Тверского музея», первый выпуск которых вышел в 1891 г. Как известно, М. Н. Сперанский был сотрудником Исторического музея. Известный палеограф В. Н. Щепкин, работавший в РИМ, помогал члену ТУАК В. И. Колосову (он возглавил Тверской музей после смерти Жизневского) в издании рукописи Юрия Крижанича, обнаруженной в библиотеке Тверской семинарии.

**Восток и Запад
в исторической концепции В. С. Соловьева**

В богатом философском наследии выдающегося русского мыслителя В. С. Соловьева большое место занимают историософские концепции. В своей статье «Три силы» (1877) он раскрывает, следуя в русле русской историософской традиции, трихотомию: Восток, Запад, Россия. На одном полюсе, считал он, находится Восток, на другом – Запад, а движущей силой выступает противостояние Востока и Запада, которое начинается на заре человечества. Это противостояние он определяет термином «великий спор». Конец этого противостояния В.С. Соловьев видит в появлении третейского судьи в виде богоизбранного народа, третьей силы, которой является Россия.

В другом своем сочинении «Великий спор и христианская политика» (1887) В. С. Соловьев развивает свое учение о трех силах и двух противоположных культурах – восточной и западной. Третьей силой для него теперь выступает Христианская Церковь. На почве синтеза западного и восточного начал должна возникнуть новая богочеловеческая культура, которая возможна только в случае распространения христианства на все человечество.

По мнению ученого-философа, между Востоком и Западом обозначилась огромная разница с древнейших времен. Восточная культура основана на подчинении человека «сверхчеловеческой силе», под которой он понимал некую языческую, природную силу, которая определяла жизнь восточного человека. В основе западной культуры лежит другая сверхчеловеческая сила, в корне противоположная восточной.

Восток в изображении В. С. Соловьева несет некоторую негативную окраску, к нему философ применяет такие эпитеты, как «замкнутый», «статичный». Но именно в этой своей статике и замкнутости видна его роль в истории как силы, противостоящей Западу.

Выделяя народы исторические и неисторические, мыслитель критерием отбора полагает «движение», т.е. наличие у того или иного народа возможности для трансформации.

В то же время у В. С. Соловьева есть прямое противопоставление этому гегелевскому взгляду на историю человечества. Поскольку Запад характеризуется открытостью и динамикой, то историческими народами являются для него только народы западные. Но противопоставление восточного и западного начал необходимо как две противоположности. Запад у В. С. Соловьева ничуть не лучше Востока, т.к. является таким же исключительным началом, в котором все признаки этой силы доведены до абсурда, где свобода превращается в анархию, в войну всех против всех. Философ делает вывод, что западные народы в своем движении столь же абсурдны как замкнутые и неподвижные восточные.

1890 г. ознаменовал собой начало нового этапа в научной деятельности В. С. Соловьева, когда изменилось отношение философа к Востоку и России. Вместо политической трихотомии появляется концепция последовательного линейного развития общества, в которой источником движения общества является личность. Идея «Христа» или «Добра» становится необходимым элементом личности.

В. С. Соловьев считал, что только свободный человек с его потребностями и интересами является подлинной личностью. На Востоке вследствие господства коллективизма человек не мог стать полноценной личностью. Автор признает, что восточный и западный пути представляют собой две противоположности единого процесса.

В 90-е гг. XIX в. Восток перестает для философа быть статичной, замкнутой в себе структурой, не играющей заметной роли в мировой истории. Он с большой тревогой оглядывается на Восток в ожидании надвигающейся оттуда опасности, понимая, что время триумфального натиска Европы на неевропейский мир заканчивается и на очереди наступление Востока. Он делает вывод, что «всемирная история» переносит центр тяжести на Дальний Восток.

Внимание В. С. Соловьева все более начинает привлекать Китай и особенно Япония. В статье «Враг с Востока» (1891) он высказывает мысль о принадлежности Японии к силам прогресса (в его понимании) и противопоставляет «подвижный поступательный характер японской истории» консервативно-статичному Китаю. После поражения Китая в войне с Японией 1894–1895 гг. он пишет своим друзьям серию пророческих писем о будущих исторических потрясениях на Дальнем Востоке, в которых столкнутся силы Ксеркса и Христа.

В 90-е гг. XIX в. у В. С. Соловьева наступает разочарование в России как носительнице третьей примиряющей силы. «Прах» – такой конец России предсказывает он. Она уже не сможет положить конец вековой борьбе Востока и Запада и установить христианскую религию, богочеловеческую культуру во всем мире.

Философ верил, что произойдет «свободное единение человечества в церкви Христовой». Это соединение осуществит уже не третья сила (Россия), а первая, т.е. Восток, причем Восток не христианский, а Восток Ксеркса. Он должен, как считал автор, сыграть историческую роль катализатора интеграционных процессов в Европе и объединить европейский христианский мир в единое государство – Соединенные Штаты Европы. Но выполнив эту миссию, Восток вновь сходит с арены истории, которая окончательно приобретает однолинейное развитие. Поздний В. С. Соловьев – это, безусловно, европоцентрист. Следует отметить, что в последние годы жизни в его мировоззрении победил мистицизм и эсхатологические мотивы.

Спор об «антиисторическом направлении» на повороте истории: столкновение С. М. Соловьева со славянофилами в 1857 г.

Одной из центральных проблем, вставших перед русской образованной публикой со вступлением на престол Александра II, стало соотнесение намечавшихся преобразований с отечественной исторической традицией. Для ее решения были привлечены интеллектуальные ресурсы главных идейных оппонентов эпохи николаевского царствования – западников и славянофилов, которые предложили два варианта истолкования русского прошлого.

Если для славянофилов в качестве узлового момента отечественной истории представляла московская старина, то западники отдавали свое предпочтение петровским реформам. В изменившихся условиях старые споры покинули тесные пределы столичных литературных кружков и салонов. Московские журналы – западнический «Русский вестник» и славянофильская «Русская беседа» – превратились в трибуны, с которых полемика продолжилась с новой силой.

Вскрытию противоречий между двумя основными историческими версиями в немалой степени способствовало обсуждение магистерской диссертации Б. Н. Чичерина «Областные учреждения в России XVII в.» и его статей в «Русском вестнике». Славянофил Ю. Ф. Самарин в статье «Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина» в начале 1857 г. констатировал тщетность исследовательских усилий последнего, проистекавшую от принадлежности его к «отрицательной школе» в литературе русской истории. Под отрицательностью критик подразумевал такие представления о русской жизни, когда ее «определяют не столько по тем данным, которые в ней *есть*, сколько по тем, которых в ней *нет* и которым, по субъективному убеждению изучающих ее, следовало бы непременно в ней быть».

Судя по развернутому ответу на эти «Несколько слов...», содержащемуся в опубликованной вскоре в «Русском вестнике» статье С. М. Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление», именно выступление Самарина заставило профессора Московского университета, прежде уклонявшегося от полемики со славянофилами, взяться за перо. Соловьев не согласился считать критику допетровских порядков, за которую так досталось Чичерину, признаком «отрицательного» направления. Справедливость такой критики он обосновывал, в частности, жалобами на несправедливость суда, встречающимся в актах XVII в.

В свою очередь, воззрения авторов «Русской беседы» (И. В. Киреевского, П. А. Безсонова и К. С. Аксакова) были охарактеризованы московским профессором в этой статье как антиисторические на том основании, что славянофилы игнорируют «закон исторического

развития», указанный еще Шлецером. Неприятие этого закона, который, по Соловьеву, гласит, что «все великое в природе начинается с малого», заставляет славянофилов «отрицать законность происхождения явлений новой России из явлений древней». Ученого не смущает подражательный характер петровских реформ («ибо что такое учение, как не подражание?»). Более того, все издержки преобразований Петра он готов отнести на счет древней Руси. Соловьев не был склонен признать даже частичную правоту славянофилов и выражал надежду, что со временем они осознают несостоятельность своих взглядов.

Однако его оппоненты заняли в этом споре такую же бескомпромиссную позицию, о чем свидетельствуют отзывы С. П. Шевырева и К. С. Аксакова в еженедельнике «Молва», появившиеся по горячим следам соловьевского выступления, и, в особенности, дружный залп по позициям противника, устроенный славянофилами на страницах «Русской беседы» спустя несколько месяцев. С «Замечаниями на статью г. Соловьева “Шлецер и антиисторическое направление”» одновременно выступили Самарин, П. А. Бессонов, А. С. Хомяков и тот же К. С. Аксаков. Понятно, что все они возражали против приписывания их взглядам антиисторического направления.

Наиболее содержательной представляется аргументация Самарина. Для него, в отличие от Соловьева, современная критика допетровской эпохи и «скорбные признания наших предков» – явления разного порядка. В попытке Соловьева оправдать насилие Петра и его сподвижников бессознательностью, в равной степени свойственной и защитникам старины, Самарин усматривает главной порок его построений. Ведь на стороне допетровской Руси были «устойчивость факта, право жизни», мимо которых проходит «отрицательная школа». Славянофил советовал своему оппоненту дополнить уважение к тексту источника «умением честно обходиться с обычаем, с преданием, с жизнью...».

С. М. Соловьев воздержался от продолжения полемики, видимо, осознавая ее бесперспективность. Для автора «Истории России с древнейших времен» и его последователей ход русской истории определялся изменениями, обусловленными взрослением страны и постепенным преодолением ее замкнутости.

Славянофилы не могли поступиться преемственностью традиций и верностью исконным началам русской жизни. Материалы полемики показывают, что обе спорящие стороны больше преуспевали в указании на слабые стороны концепций оппонентов, чем в построении собственной непротиворечивой версии истории России. В результате в канун наступающей эпохи «великих реформ» русскому образованному обществу так и не удалось прийти к согласию в вопросе о прошлом, что не могло не сказаться на прочности его позиций при решении проблем, которые ставила перед ними современность.

**Личность Александра I
в оценках С. М. Соловьёва и Л. А. Тьера**

Сегодня во многом изменилось наше понимание и отношение к мировой истории. Это вызывает необходимость по-новому взглянуть на смысл важнейших событий истории и на роль её крупных деятелей. История первой четверти XIX в. – насыщенный противоречиями и драматизмом период не только в истории России, но и стран Запада. Одним из объектов исследования историков того времени является личность Александра I. Первые работы о нем появились еще в XIX в.

Событием в отечественной историографии стал выход в свет в 1877 г. труда С. М. Соловьёва «Император Александр I. Политика. Дипломатия». В процессе его подготовки Соловьёв обратился к тогдашнему директору архивов А. Г. Жомини с просьбой допустить его в архивы, но тот отказал, заявив, что Л. А. Тьер, французский историк в многотомнике «История Консульства и Империи» (см.: Thiers M. A. Histoire du Consulat et de l' Empire faisant suite a l'histoire de revolution fransaise: par 20 Tom. P., 1845–1862) уже написал все о Наполеоне и Александре I. Амбициозный Соловьёв возмущился и через голову Жомини добился у государя разрешения работать в архиве Министерства иностранных дел Российской империи. Этот факт свидетельствует о том, что до выхода в свет исследования Соловьёва труд Тьера был уже известен в тогдашних общественно-научных кругах России. И не случайно, поскольку это одна из первых объёмных работ, в которой можно было прочитать о европейской истории первой четверти XIX в., об исторических личностях, действовавших на европейской сцене. Сравним взгляды и оценки двух историков на личность Александра.

Первые слова Тьера об Александре звучат так: «Удивительный государь вступил на престол царей русских, как и большая часть государей, царствовавших в России в течение века» (III, р. 8). Историк характеризует императора не только положительно, но находит у него и негативные черты, которые, по мнению Тьера, он унаследовал от своего отца Павла I. «Александр имел ум пронизательный, сердце великодушное и необычайную приятность в обращении...», но в то же время он был хитёр, переменчив, скрытен и подозрителен (III, р. 9). Свои негативные качества Александр проявил при восхождении на престол. Тьер сторонится осуждать молодого императора за переворот и за смерть отца, который был обманут графом Паленым, организатором заговора (III, р. 9). Тьер отмечает в императоре необыкновенную способность обольщать людей, перед которой не устоял даже Наполеон Бонапарт.

Оценки характера Александра I, данные Соловьёвым во многом схожи с оценками Тьера. Русский историк характеризует императора как необычайно восприимчивого, впечатлительного по природе, «спокойно обдумывающего все благоприятные и неблагоприятные условия»

(Соловьев С. М. Соч.: В 23 кн. Кн. XVII. М., 1996. С. 382), в отношении к людям он был очень спокойным и тактичным (с. 218), но выделяет в характере негативные черты – подозрительность (с. 325), недоверчивость к людям (с. 337).

Серьёзным испытанием для Александра была борьба с Наполеоном. Сложность этого противостояния для императора Тьер увидел в характере. Хотя роль военачальника в войне Александру не удалась, но он в силу многих своих достоинств и военного таланта, смог довести войну до победного конца (XIV, р. 123-124). Тьер признает в Александре победителя Наполеона, решающую роль сыграло его решение не подписывать мир после потери Москвы, что поставило точку в затянувшейся борьбе (XIV, р. 439). Александра и Наполеона Тьер ставит в один ряд, не зря в своём труде он называет их: «два самых могучих принца на земле» (VII, р. 627), что очень необычно, зная о том, что Тьер – апологет Наполеона. Совершенно противоположное мнение мы видим у Соловьёва, который считает, что Александр был лишен военных талантов, особенно яркий пример – это Аустерлицкое сражение (с. 331). Александр не был втянут в войну своим окружением, как считает Тьер, а изначально зная характер Наполеона, полагал, что равенство с ним в Европе невозможно и война неизбежна (с. 407). Единственное, в чём сходятся мнения историков, – это признание решения Александра не вести переговоров и не заключать мира с Наполеоном решающим и великим (с. 410), которое привело к окончательной победе.

Сравнивая взгляды Тьера и Соловьёва на личность Александра I, мы увидели схожее и различное. Полагаем, что сравнение мнений французского и русского историков XIX в. позволяет взглянуть по-новому на личность русского императора в начале XXI в.

Т. Н. Иванова (Чувашский ГУ, Чебоксары)

Место России в концепции всеобщей истории В. И. Герье

В научном наследии профессора Московского университета В. И. Герье (1837–1919), известного своими исследованиями по всеобщей истории, есть несколько монографий, касающихся внешней политики России. Десятки статей Герье посвящены проблемам развития исторической науки, образования и общественно-политической жизни России.

В. И. Герье рассматривал историю России сквозь призму западного подхода и идей государственной школы как органическую часть всемирного процесса «поступательного движения» человечества. «Судьба русского народа только часть другого великого организма, также единого и живущего общию жизнью своих частей – Европы, цивилизованного человечества» – писал он. В университетском преподавании русская история выделяется из всеобщей как особый предмет лишь потому, что «для русского история русского народа имеет ближайший, непосредственный интерес», а также «вследствие специализа-

ции, необходимой в научных занятиях; но такое выделение никоим образом не должно подавать повода к противоположению русской истории всеобщей или европейской» – наставлял профессор студентов.

Ясность в российской истории «может быть достигнута лишь при знакомстве с историческим процессом в другие времена и при других условиях... с помощью сравнительного метода изучения учреждений и бытовых форм». Герье осуждал практику «разбивать историю по отдельным странам», ведь государства – это не какие-то «непродокаемые тела». Жизнь человечества, по его мнению, это процесс, «основанный на духовной связи и культурной преемственности поколений и народов», и поэтому русская история «может быть правильно понята лишь на общем фоне истории всего человечества».

Важным элементом, связывающим жизнь русского народа с европейской цивилизацией, Герье считал христианство. Необходимым условием прогресса России он полагал усвоение позитивного опыта Европы как в области культуры, просвещения и науки, так и в области развития политических прав человека и формирования гражданской культуры. Вступление России в семью европейских народов, когда «начали сознавать ее права и предчувствовать ее признание», Герье связывал с реформами Петра I и Екатерины II. Тогда Россия «становится европейской державой, принимает участие в делах западных государств и своим влиянием видоизменяет их отношения». Важнейшим результатом этих реформ историк считал успехи науки и образования, развитие промышленности. «Чем более будут развиваться материальные и нравственные силы России, чем значительнее будет ее влияние, тем более жизнь русского народа будет сливаться с жизнью западноевропейского человечества». Однако Герье не предлагал слепо копировать опыт Запада, особенно в области революционного движения. Он надеялся, что Россия может избежать разрушительного воздействия революции, если удастся установить сотрудничество между царизмом и народным представительством.

Ученый верил в особую миссию России, которая призвана «играть в дальнейшем развитии общечеловеческой цивилизации все более выдающуюся роль». Эту роль Герье связывал с ее политикой в Азии. «Движение России на Восток – ее торжество и вместе с тем торжество человечества, – писал он. – Она не только отразила татарина и монгола, не только покорила Азию, но и приобщила ее к цивилизации». Особая, просветительская миссия России на Востоке должна, по его мнению, сделать ее наследницей Турции в Передней Азии, принести туда европейскую культуру и цивилизацию.

Герье уделял внимание и роли России в сохранении «духа Константинополя». Сравнивая политику Александра I и Наполеона, он пишет об исконном дуализме, лежавшем еще в основе жизни древнего мира, – «дуализме римской и греческой культуры, западной и восточной церкви», который перешел и в европейскую историю XIX века.

Подчеркивая этнографическое многообразие России, Герье считал, что без изучения истории ее малых народов невозможно понять проис-

хождение современных языков, историю Великого переселения народов.

Теоретические положения о месте России в развитии человечества, Герье подкреплял своей общественно-политической деятельностью, способствуя совершенствованию системы образования, подготовке педагогических кадров для кавказских и среднеазиатских регионов России, развитию городского самоуправления и общественной благотворительности.

Соглашаясь с мнением Лейбница об особой «посредствующей» роли России между «западным и восточным миром», Герье отмечал, что немецкий философ верно понимал эту роль. Однако «по настоящие дни на Западе больше занимают опасения насчет возрастающего могущества России, чем интересуются ее успехами, с которыми так тесно связаны и общечеловеческие интересы». Преодоление «старинного дуализма и антагонизма» между развитием Западной и Восточной Европы приведет, по мнению Герье, к прогрессу человечества, если «стремление к культурному объединению будет взаимным». Этот вывод Герье не потерял актуальности и в XXI веке.

Л. М. Аржакова (Санкт-Петербургский ГУ)

Два историка – одна проблема: трактовка причин падения Речи Посполитой С. М. Соловьевым и Н. И. Кареевым

Кардинальной проблемой российской полонистики XIX века оставалось падение Речи Посполитой, в частности, причины ее разделов. Говоря об этом, важно подчеркнуть, что эта сугубо исследовательская задача была неразрывно связана с польским вопросом, темпераментно обсуждаемым в российском обществе Нового времени. Не будет преувеличением сказать, что этот вопрос – вопрос непростых, порой остродраматических русско-польских взаимоотношений – практически сводился к выяснению того, кто, в конечном счете, повинен в гибели Речи Посполитой.

В контексте данной проблемы уместно обратиться к научному наследию С. М. Соловьева и Н. И. Кареева, виднейших российских полонистов XIX в.

С. М. Соловьев, убежденный, что «польский вопрос /.../ родился вместе с Россией», не раз обращался к истории Польши в ряде своих монографий и статей. Но особое место в этом смысле принадлежит его «Истории падения Польши» (1863), которая стала оперативным откликом на злобу дня, когда с началом восстания 1863 г. вопрос о причинах гибели Речи Посполитой, о том, на какой из держав лежит главная вина за ее разделы, вновь приобрел особую актуальность.

Прямо заявив, что «во второй половине XVIII века, волею неволею, России надобно было вести старые счета с Польшею», Соловьев перечислил факторы, которые позволили Петербургу «привести дело к концу». Эти факторы: «русское национальное движение, совер-

шавшееся, как прежде, под религиозным знаменем», «завоевательные стремления Пруссии» и «преобразовательные движения XVIII века». Обращает на себя внимание, что историк не включил в этот перечень причин гибели Речи Посполитой «польское беззарядье» (лишь отметив значимость этого фактора), тогда как по другим его работам видно, что беззарядью как фактору гибели Польши он придавал особый вес, заявляя: «Польша погибла вследствие своих республиканских форм».

В свою очередь Н. И. Кареев – автор фундаментального труда «Падение Польши» в исторической литературе» (1888) и ряда других широко известных полонистических работ – сдвигал центр тяжести с рассуждений о защите Россией единоплеменников и единоверцев в сторону соображений геополитического характера. Но при всем своем либерализме и отвращении к русификаторской политике России в Царстве Польском ученый, в основном, разделял официальную точку зрения на причины падения Польши. Солидаризируясь с популярной (особенно в России и Германии) мыслью о том, что «Польша пала вследствие своей внутренней безурядицы», он этим не ограничился. По его словам, «развитие безурядицы в ее [Польши] быте» – это главная из внутренних причин, но были и причины внешние. Правда, когда дело доходит до разбора внешних причин, логика Кареева становится достаточно уязвимой.

Будучи убежден, что «зародыш будущего падения Речи Посполитой» лежит в русско-польских отношениях, Кареев, подобно Соловьеву, сдвигал причины гибели Польши за сотни лет до того, как в стране воцарится неурядица. Вместе с тем, признав виной всех бед Польши безурядицу, и одновременно объявив, что неудачи польских политических преобразований были обусловлены их слишком поздним началом, Кареев упускал из виду губительное для страны обстоятельство: Россия давно (по его же словам) распоряжалась в Варшаве, как дома. Но при выяснении причин падения Польши историк абстрагировался от причинно-следственной связи, существовавшей между сохранением в Польше осуждаемого им беззарядья и политикой Российской империи. Следует отметить, что при этом Кареев отмежевался от романтического по сути представления, будто причина беззарядья коренилась во враждебном национальном характере поляков.

Отличительную черту подхода Кареева к проблеме падения Польши составляло его сочувственное восприятие прусской мотивации разделов Польши. Ссылки немецких историков на жизненную необходимость защитить притесняемых поляками диссидентов, а также на настоятельную потребность территориально соединить разобщенные части государства Гогенцоллернов, представлялись Карееву вполне убедительными. Не усмотрев ничего предосудительного в том, что прусский король стал инициатором разделов, Кареев оставил без внимания тот факт, что, завладев низовьем Вислы и соединив свои владения, Пруссия на этом не остановилась. Отклонением от российской традиции был и другой его тезис: «В единоверии своем с большинством населения восточных частей Речи Посполитой Россия видела главным

образом лишь повод для вмешательства в польские дела, а ссылка /.../ на единоплеменность /.../ была скорее предлогом, /.../ в оправдание своих действий, нежели действительной их причиной, их мотивом».

Однако, несмотря на ряд имеющихся расхождений, в основном, два ученых, принадлежащих к разным поколениям и разным школам отечественной науки, демонстрируют единый подход к кардинальной проблеме российской полонистики, непосредственно связанной и с состоянием столь большого для России польского вопроса.

Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина (Челябинский ГУ)

**Диссертационная культура российских историков
второй половины XIX – начала XX вв.:
поиск национальных особенностей**

Заявленная тема непосредственно сопряжена с изучением особенностей российской университетской науки XIX в., а также с попытками сравнительного анализа ее состояния (в том числе – исторической области знаний) с западноевропейскими образцами. Можно констатировать наличие лишь первых опытов в изучении собственно диссертационной культуры и практическое отсутствие сравнительвистских исследований истории университетской науки в границах большого европейского культурного пространства, включающего российский компонент, что позволяет наметить лишь контуры проблемы и использовать гипотетический инструментарий.

Авторы отталкиваются от постепенно утверждающихся в историографии наблюдений о принципиальном сходстве облика университетской культуры России, сложившейся в рассматриваемое время, с немецкой университетской системой (А. Ю. Андреев, Д. Александров, Т. Бон и др.). Одновременно учитывается исследовательский опыт, свидетельствующий, что процесс адаптации российской культуры к используемым моделям организации науки в Европе неизбежно порождал отклонения от образца и создавал основу формирования собственных научных традиций. Имеющиеся исследования о сложившейся нормативно-статусной основе университетской науки (А. Е. Иванов и др.) и соответствующих ей традициях организации подготовки научных специалистов, свидетельствуют, что ее центральное ядро составляло то, что мы называем «диссертационной культурой».

Под диссертационной культурой предлагается понимать совокупность организационных процедур, традиций и ритуалов со стороны научно-образовательных институций, научно-экспертного сообщества и заинтересованных претендентов на достижение научного статуса, направленных на получение научно-исследовательского продукта (произведения), соответствующего принятым квалификационным требованиям и нормам научно-профессиональной сертификации.

Пространство диссертационной культуры формируется из событийных элементов диссертационных историй и результатов творческой деятельности ее акторов, связанных с созданием не только конечного и главного ее продукта – диссертации, но и промежуточных научно-интеллектуальных «субпродуктов». Они в соответствии с логикой принятой модели формирования будущего профессора включают последовательную систему процедур-явлений, порождавших на каждом этапе его научно-образовательной подготовки некие творческие результаты освоения профессии университетского ученого. Среди них такие, как магистерский экзамен, пробные лекции, при положительном результате дававшие право на получение статуса приват-доцента, тезисы диссертации, речь на диссертационном диспуте, отзывы оппонентов, рецензии и отклики на диссертации, эго-произведения, описывающие различные этапы/аспекты той или иной диссертационной истории и пр.

Общая канва движения к диссертации в российской и европейской (немецкой, в данном случае) научных традициях в значительной степени совпадала. Однако в ряде случаев процедурная сторона российской модели подготовки диссертаций отклонялась от принятых германских стандартов. Например, в немецких университетах право читать лекции приобреталось только после защиты диссертации, в то время как в России – уже после сдачи магистерских экзаменов и прочтения пробных лекций. Устав 1884 г. ввел в российских университетах эксклюзивное право претендовать при защите магистерской диссертации на присуждение докторской степени, что во многом объяснялось недостатком профессоров в российских университетах.

Отдельный вопрос в изучаемой теме – условия для занятий научной работой, определявшие ее продуктивность. Одним из показателей ее продуктивности/эффективности является количество защищаемых диссертаций и присуждаемых ученых степеней. Приводимые в историографии данные (Т. Бон, Г.Г. Кричевский и др.) демонстрируют значительное расхождение по количеству защищаемых диссертаций. По авторским подсчетам в 1805–1919 гг. в российских университетах было защищено 178 магистерских и 90 докторских диссертаций по исторической науке. В Германии только с 1860 по 1909 гг. «немецкими историками в университетах было написано 3976 диссертаций» (Бон Т. Русская историческая наука. С. 36-37).

К концу XIX в. в российской практике подготовки ученых-специалистов становится весьма актуальной проблема соответствия диссертаций требованиям, предъявляемым к их научному содержанию со стороны научного сообщества. Свидетельством ее интенсивного обсуждения является серия публикаций о статусе научного диспута как формы прохождения диссертации через экспертизу не только научного сообщества, но и заинтересованных «непрофессиональных» оппонентов (Г. Ф. Шершеневич, В. И. Сергеевич, В. А. Мякотин). Данная дискуссия, как и предварившие ее научные конфликты в истории защит

диссертаций, может рассматриваться как некий показатель кризиса диссертационной системы. Несомненно, последний надо рассматривать как часть более широкого и, вероятно, глобального кризиса науки XIX в., который у Ф. Рингера применительно к университетской системе Германии выглядит как «закат немецких мандаринов».

А. А. Серых (Омский ГПУ)

Русские историки рубежа XIX–XX вв. о национальном самосознании

Национальное самосознание и национальное единство являются основополагающими элементами национальной культуры, но кто формирует представления общества о «национальной культуре» и «национальном прошлом»? П. Н. Милюков во введении к третьему тому «Очерков русской» отмечал, что «хранителями» национального самосознания являются отдельные группы общества, целью которых является «сохранение остатков прошлого».

На рубеже XIX–XX в отечественной исторической науке была поставлена проблема соотношения национального государства и национального самосознания. Например, для С. Ф. Платонова основополагающим является национальное самосознание, которое способствовало формированию государства, а впоследствии оказывало влияние на его развитие. В курсе лекций историк отмечал: «Современная нам политическая власть возникает на почве национального самосознания, когда племя, сознавая свое единство племенное и вероисповедное, сознает и свое историческое прошлое, обращается в нацию с национальным самосознанием» (Платонов С. Ф. Полный курс лекций по Русской истории. СПб., 1997. С. 29). Именно поэтому историк показал «национальное значение» Куликовской битвы, а также считал, что национальное самосознание сыграло решающую роль в сохранении государственной целостности в период Смутного времени.

По мнению П. Н. Милюкова, напротив, именно государственное единство способствовало формированию национального самосознания: «русское национальное самосознание могло развиваться лишь на почве политического объединения русской национальности» (Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 3. М., 1995. С. 7). Несмотря на различия в представлениях о характере взаимосвязи национального самосознания и национального государства, историки соглашались в одном: национальное самосознание являлось важным элементом в процессе исторического развития государства.

События революции 1917 г. актуализировали проблему национального государства. Формирование советского государства было основано на новой системе ценностей и переосмыслении различного рода идентичностей, в том числе и национальной. Вопросы национального единства для историков рубежа XIX–XX вв. были связаны с дореволю-

ционной Россией, с той социокультурной обстановкой, в которой они прожили большую часть жизни. В укреплении национального единства историки видели возможный выход из ситуации кризиса 1917 г.

Молодое поколение историков советской России иначе оценивало характер взаимосвязи национального самосознания и национального государства под влиянием идей мировой революции и пролетарского интернационала, что привело к выдвиганию обвинения дореволюционных «буржуазных» историков в «национал-шовинизме». С. А. Пионтковский в 1930 г. отмечал: «Национал-шовинизм – это мечты и стремления к “великой и неделимой”, восстановление отношений собственности в экономике и восстановление “великой и неделимой” как политической формы господства собственности – вот программа, за которую борется русская буржуазная историография» (Пионтковский С. А. Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. № 18-19. С. 169). Заметим, что С. А. Пионтковский ставил в упрек историкам рубежа XIX–XX вв. не актуализацию национальных вопросов, а обоснование их взаимосвязи с вопросами государственного устройства.

Исследуя русское прошлое, историки рубежа XIX–XX вв. особое внимание уделяли «национальному» (характеру, единству, культуре и т.д.). В результате, создавая образ исторического прошлого России, они выступали в роли «хранителей» национального самосознания.

Н. Г. Федорова (РГТЭУ, Казань)

Обсуждение школьных учебников по всеобщей истории московскими историко-педагогическими обществами на рубеже XIX–XX вв.

Проблема создания качественной учебной литературы по истории, отвечающей требованиям как научной, так и педагогической общественности, уже на протяжении более двух столетий не теряет своей актуальности. В конце XIX – начале XX вв. она приобрела особую значимость. На рубеже столетий своеобразными «коммуникативными центрами» по проблемам школьной литературы стали историко-педагогические съезды, собрания, общества.

В 1889 году было организовано Историческое общество при Императорском Санкт-Петербургском Университете. Его своеобразным «оппонентом» стало организованное в 1898 г. Педагогическое Общество при Императорском Московском университете, являвшееся в начале XX в. едва ли не самым крупным и состоявшее из множества отделений.

Если в Петербургском обществе председательствовал Н. И. Кареев, то председателем общества в Москве, а также председателем отделения преподавателей истории в нем был избран П. Г. Виноградов. При этом на заседаниях Петербургского общества обсуждались, в частности, учебники московского профессора П. Г. Виноградова, а на собраниях

Московского – учебные руководства петербургского профессора Н. И. Кареева. Причем, его учебник средневековой истории, который анализировал М. Н. Покровский, как и учебники Виноградова при обсуждении в Санкт-Петербургском обществе, удостоился в целом неслыханных отзывов, подтверждаемых конкретными примерами («неудачного изложения»). Показательно, что если в санкт-петербургских отзывах за учебниками П. Г. Виноградова и признавались серьезные недостатки (в частности и особенно – трудность для понимания учащихся), тем не менее, пособие считалось научным и важным приобретением педагогики. А московская рецензия М. Н. Покровского – фактически была нацелена доказать, что профессорский учебник по истории средних веков ничего нового для историко-педагогической науки не дает. Более того, сравнение с «пресловутыми» учебниками Иловайского, вероятно, вообще могло восприниматься как унижительное. На фоне всех этих недостатков, некоторые достоинства учебника Кареева, отмеченные рецензентом, кажутся весьма незначительными. На заседаниях отделения преподавателей истории Московского педагогического общества обсуждались и другие учебные пособия. Оценки педагогов часто были противоположными – по-видимому, каждый руководствовался собственными представлениями о «хорошем учебнике».

При учебном отделе Общества распространения технических знаний (ОРТЗ) в Москве с весны 1890 г. образовалась Историческая секция, которая поставила себе целью разработку различных вопросов, касающихся преподавания истории в школе. В нее вошло большинство преподавателей истории средних учебных заведений Москвы. Конечная цель составления членами секции «нормальной программы»: подробной программы по всему курсу русской и всеобщей истории и объяснительной записки к ней – состояла в том, чтобы на ее основе «...мог быть написан желательного типа учебник, более удовлетворительный, чем существующие» (Историческая хроника // ИО. 1890. Т. 1. С. 270). Поэтому и в рефератах докладчиков, и в шести принятых тезисах отражались представления членов Исторической секции ОРТЗ не только о целях, содержании исторического образования в средней школе, но и их взгляды на «хороший школьный учебник по истории». Причем педагоги осознавали, что создание качественного учебного руководства – дело трудоемкое и ответственное, требующее высокого профессионализма. Вероятно, именно поэтому члены секции не взяли на себя строгое обязательство составить такое пособие. Педагоги оговаривали, что «...если даже и не будет написан... учебник, то... программа с различными пояснениями, толкованиями и ссылками на научную литературу может служить руководством для преподавателя...» (там же). Требования к содержанию и форме учебника так и не были детально обсуждены на заседаниях Исторической секции. 26 марта 1910 г. на заседании исторической комиссии при учебном отделе ОРТЗ И.М. Катаевым был прочитан доклад «К вопросу о типе учебника русской истории в средней

школе», впоследствии опубликованный в «Вестнике воспитания» (1910. № 6). Эта публикация вызвала появление статьи И. К. Сивкова «К вопросу о типе учебника истории для средней школы» (ВВ. 1910. № 6).

Таким образом, в ходе обсуждений школьных учебников на заседаниях педагогической секции Исторического общества в Санкт-Петербурге, Педагогического общества и Исторической секции ОРТЗ в Москве, губернских комиссий не только складывалась общая оценка конкретных представленных на обсуждение учебников по всеобщей и русской истории, которая обычно озвучивалась председателем в форме «резюме прений», но в ходе обмена мнениями и через акцентирование докладчиками и оппонентами внимания педагогов на отдельных недостатках книг, вырабатывались и формулировались основные критерии оценивания учебной исторической литературы.

И. Р. Такала (Петрозаводский ГУ)

«Покорение Финляндии»: Финляндия и финны в российской историографии XIX–XX веков

Пространство российско-финляндского порубежья в его политико-географическом, этническом, историко-культурном и ментальном проявлениях представляется уникальной контактной зоной во многих отношениях, и эта уникальность неизменно преломляется в картине историографии и исторической памяти соседствующих народов. С момента присоединения Финляндии к Российской империи на правах Великого княжества в 1809 г. в обеих странах вышло немало трудов, посвященных истории взаимоотношений наших народов и государств на разных этапах исторического развития. Вместе с тем до сих пор количественное приращение не всегда сопровождается ростом качества научного знания. Многочисленные исследования, появившиеся как 100 лет назад, так и совсем недавно, далеко не всегда способствуют снятию противоречий в оценках российских и финляндских авторов, а также ликвидации стереотипов в общих оценках и суждениях. Приращение научных знаний порой не только не приводит к деполитизации и деидеологизации истории, но, напротив, сопровождается возникновением новых механизмов вовлечения истории как науки в «войну за память».

В докладе предпринимается попытка осмысления этих процессов на примере отечественных трудов по истории Финляндии.

Основное внимание уделяется следующим аспектам:

- выявление соотношения между собственно историческими работами и трудами с развернутой политико-исторической составляющей;
- определение основных проблемных полей, интересовавших отечественных исследователей в истории Финляндии и русско-финских отношений, ретроспективная актуализация тех или иных исторических событий разными исследователями в разные периоды;

– роль историографии в формировании некоторых стереотипизированных представлений и клише.

Исследование этих вопросов позволяет говорить о том, что новые пласты исторической литературы до сих пор нередко основываются на общих, зачастую устаревших, концепциях. Так очевидный элемент гранд-нарратива *покорения* Финляндии, окончательно сформулированный еще в конце 1880-х гг. Кесарем Ординым в связи с формированием так называемого финляндского вопроса, достаточно четко просматривается в некоторых современных моделях интерпретации истории российско-финляндских взаимоотношений (например, тезис о безопасности Санкт-Петербурга/Ленинграда).

Н. Г. Шишкина, С. Г. Лукина (Удмуртский ГУ, Ижевск)

Некоторые проблемы социальной истории позднесредневековой Германии в трудах В. Е. Майера

В советской медиевистике накоплен определенный опыт в исследовании проблем социальной истории на конкретно-историческом материале разных регионов Европы. В массовых источниках эпохи средневековья историки-медиевисты видели непосредственно социальную реальность и возможно восстановить социальную иерархию и стратификацию, что и составляло суть социальной истории, которая в свою очередь давала ключ к пониманию важнейших политических процессов и событий.

В 60–70-е гг. прошлого века видный советский медиевист-аграрник, профессор УдГУ Василий Евгеньевич Майер, не претендуя на решение проблемы в целом, предпринял попытку выявить разные стороны процесса эволюции социальной структуры немецкой деревни.

Долгое время в отечественной и зарубежной науке преобладающей была точка зрения о стагнации немецкой деревни позднего средневековья. В. Е. Майер убедительно доказал, что в Германии, начиная с XIV в., отмечаются значительные прогрессивные изменения в области экономического развития, которые напрямую влияли на увеличение торгово-ремесленного населения городов и неаграрного населения в целом. Майер вывел алгоритм прямой зависимости изменения социальной структуры немецкой деревни позднего средневековья от развития специализации ее хозяйства. По его мнению, возможно проследить перегруппировку социальных элементов, основным толчком которой стала имущественная дифференциация крестьянства, благодаря чему в крестьянстве, самом многочисленном классе феодального общества к XVI в., начинают складываться две основные социальные группы: зажиточные держатели и арендаторы, которые начинают занимать доминирующее положение в общественной иерархии и подчиняют себе своих же разорившихся односельчан.

Следует отметить, что Майер в основном опирался на источники юридического и хозяйственного характера (документы графства Гоген-

берг и Ротенбург): Weistümer, налоговые списки, документы по оценке имущества и т.д. В результате обработки большой группы статистических источников историком были получены следующие данные: в целом наблюдается тенденция обнищания большей части сельского населения и обогащения очень незначительного числа крестьянства, то есть прослеживается резкая дифференциация в немецкой деревне на беднейших и богатых жителей. В. Е. Майер отмечал также тот факт, что деревни, расположенные вдалеке от городов, были не только беднее и имели меньшее число налогоплательщиков, но и при втягивании в сферу товарно-денежных отношений разорялись быстрее, чем поселения, расположенные ближе к городам. Несмотря на то, что имущественная дифференциация еще не была столь резкой (по сравнению с XVI в.), одной из наиболее характерных черт жизни крестьянства была общая бедность. Результаты, полученные ученым в процессе обработки статистических данных показывают, что в конце XIV в. крестьяне – собственники земли становятся на порядок богаче, а также увеличивается количество крестьян-огородников, которые превращали свои наделы в пашни; они представляли собой свободную наемную силу.

Таким образом, В. Е. Майер делает вывод о том, что на протяжении XIV–XV вв. в немецкой деревне прослеживается тенденция имущественной дифференциации, которая к концу XV – началу XVI вв. приобретает социальный характер: небольшая группа богатых крестьян начинает эксплуатировать большое число бедных, вынужденных искать себе различные средства существования. Некоторые становятся нищими и бродягами, занимаются разбоем, другая группа становится мелкими огородниками, виноградарями, ремесленниками, третьи перемещаются в горнорудные районы и становятся рабочими, батраками. В свою очередь, зажиточное население начинает активно применять труд наемных работников. Анализ, предпринятый профессором В. Е. Майером, однако не охватывал всё богатство содержания Weistümer, записи рассматривались им преимущественно с точки зрения выяснения классовых антагонизмов.

В настоящее время изучение жизни средневековой сельской общины, взглядов и поведения крестьян – участников сельских сходок, противоречий между земельными собственниками и подданными, анализ природы внеэкономического принуждения возможны на иной основе и дальнейшие исследования позволят ученым выявить новые перспективы в изучении проблемы социальной структуры немецкого общества с учетом целого ряда нюансов и особенностей.